

UDC 378

The Myth as the Overcoming

Bayzhol I. Karipbaev

Karaganda State University named on E.A.Buketov, Kazakhstan
100000, Karaganda, Mukanova str., 1
Dr. (Philosophy), Professor
E-mail: karipbaev@mail.ru

Abstract. This article studies the role of myth in the modern social transformations, in the conditions of new values creation. The author focuses on the worldview potential of the myth, its ability to legitimize, sanctify important social components of social reality.

Keywords: myth; ritual; tradition; culture; civilization; worldview; sacredness; rationalism.

Введение: Определяющими научными приоритетами в области гуманитарных исследований стали символы и значения рационального толка. В связи с этим на задворках современной научной картины остались феномены, которые оценивают лишь как атрибуты архаических обществ, как некое прошлое эпистемологической истории. Такова «судьба» и мифа, чей позитивный аксиологический потенциал может быть использован, на наш взгляд в современных условиях. Миф может и должен стать объектом серьезной научной рефлексии.

Материалы и методы: статья написана на основе изучения научной литературы, посвященной вопросам мифотворчества, анализу роли мифа в современных социальных резолюциях. Формированию авторских научных симпатий и пристрастий послужили работы Ж.Ж. Руссо [1], Т. Парсонса [2], Ю. Хабермаса [3], С.Л. Франка [4], В.Н. Топорова [5] и т.д.).

Для исследования обозначенной проблемы автором использовался эпистемологический потенциал методов исторического, логического, системно-структурного и компаративистского анализа.

Обсуждение результатов. Современный мир, какую бы мы ни взяли сферу его реализации, представляет собой, на наш взгляд, систему острых противоречий и парадоксов. Кризисная лихорадка обнажила многие проблемы практически во всех областях общественного и индивидуального бытия. Такое состояние отношений вызывает к жизни необходимость поиска новых или хорошо забытых старых технологий стабилизации и гармонизации. При всем «многообразии» кризисных явлений, меня, особенно, волнуют изменения, происходящие в духовной сфере или, проще говоря, духовный кризис. Кстати, кризис это не всегда плохо, это порой необходимый этап для переосмысления, определения новых ценностных координат, обозначения адекватных векторов дальнейшего пути. В этих процессах очень важно найти те мировоззренческие резервуары, из которых можно было бы черпать духовные и душевные смыслы, определяющие историческую, социальную идентичность в анархии современного мировидения. Общеизвестно, что приоритетами сегодняшнего дня стали, к сожалению, ценности утилитарного характера, идет наступление символов и смыслов рационализма, прагматизма. Торжество бездуховности стало брендом современного мира, визитной карточкой: понятие красоты сменяется понятием шикарности, ум-рационализмом, достижение-выгода и т.д. Происходит чудовищная подмена понятий, формируется искаженная ценностная парадигма жизни. Если осмыслить эту ситуацию в предельных категориях, то, наверное, можно сказать, что современный кризис во всех его проявлениях – есть столкновение интересов культуры и цивилизации. Найти наиболее гармоничную модель их сосуществования, по всей видимости, и есть выход из кризиса. Превалирование прагматического начала, концептов утилитарного сознания требует возвращения к истокам, к важнейшим культурным феноменам, которые или утеряны или же превратились в фантомы. В связи с этим мне хотелось бы остановиться на «судьбе» мифа. Надо признать, что миф незаслуженно оказался на задворках человеческой мысли и жизни. До сих пор живет мнение, оценивающее миф как атрибут архаических обществ, свидетельствующий о незрелости человеческого сознания, отсутствии науки.

Думается, что миф еще не исчерпал своих эпистемологических и аксиологических потенциалов. Возвращение мифа и есть, на мой взгляд, одна из попыток преодоления многих перекосов в нашей жизни. Это понимание радикально отличается от ранней просвещенческой установки, под воздействием которой миф определялся как культурно-историческая форма организации ментальной жизни архаических обществ. Понятия "миф", "религия", "догма", "предрассудок" были из одного смыслового ряда — негативного, требующего своего преодоления.

Неклассическая интерпретация мифа, опирающаяся на идеи психоанализа, аналитической психологии, структурализма, герменевтики, экзистенциализма изменила отношение к мифу, позволила легитимировать миф, как необходимое условие человеческого существования.

Современная интерпретация мифа, основанная на неклассической эпистеме, позволила не только легитимировать миф, но и способствовала новому пониманию основных установлений эпохи Просвещения. Выяснилось, что краеугольные камни Просвещения сами имеют мифологическую природу. При более объективном взгляде на постулаты Просвещения стало понятно, что отношение к мифу, обществу, религии, человеку, развитию основаны не на абсолютных рациональных, эксплицитно безупречных и опытно-исчерпывающих аргументах, а выведены из множества аксиоматичных допущений. Фундаментом явных рациональных суждений неизбежно были определяемые не формальной логикой, а, прежде всего, экзистенциально-ценностными установками, положениями. Логические и фактические аспекты, репрезентирующие антидогматизм просвещенческой философии, составляли лишь видимую часть этого типа дискурса. Следует подчеркнуть, что эта видимая часть являлась и абсолютизированной частью философии Просвещения. А любая абсолютизация в той или иной степени является мифологическим феноменом.

Отвергая такие основополагающие институты предшествующей эпохи, как вера, религия, миф, догма Просвещение в свою очередь породило собственную мифологию. Основополагающими мифологемами Просвещения явились разум, прогресс, личность, право, демократия. С каждой из этих мифологем случились неизбежные метаморфозы. Эти метаморфозы существенно охладили эйфорическую настроенность, ожидание, связанные с ними. Анализ каждой отдельной мифологемы, неоднозначности метаморфоз, приключившихся с ними, требует много времени и места. Можно отметить лишь, что идея самополагающего прозрачного разума, принимаемая сейчас как само собой разумеющееся, естественное явление, воспринимается как анахронизм. Затруднения, связанные со сложностями современной интерпретации и определяют понятие рациональности несколько экзальтированно, но вместе с тем обоснованно, как символ философии XX века.

Соотношение реальности и таких положений Просвещения как демократия, свобода личности имеют такие противоречия, что если их не "примирить" то необходимо, в крайнем случае, минимизировать расхождения. А это возможно лишь на основе массового тиражирования таких мифологем, как власть народа, гарантия свобод личности.

По мнению Э.Тоффлера, Просвещение — это определенная цивилизация. По его терминологии цивилизация "второй волны", как и любая цивилизация, должна опираться на свои символы, ценности и мифы. Индустриальная эпоха, цивилизация при всех своих рациональных институтах, технологических новшествах не может стать жизненным явлением, радикально изменившим облик планеты без мощного мифа. "Сокрушая цивилизацию Первой волны, Вторая волна, по мнению Э. Тоффлера, — создала не просто новую реальность для миллионов людей, но и новое понимание действительности. Вторая волна повлекла за собой новые понятия о Боге, справедливости, любви, власти, красоте. Она способствовала появлению новых идей, целей, ниспровергла и вытеснила старые представления о времени, пространстве, материи и причинности. Возникла впечатляющая и понятная картина мира, которая не только объяснила, но и оправдывала реальность Второй волны" [6] Такую картину мира, реальность Тоффлер называет "индуст-реальность". "Индуст-реальность" представляет собой не только рациональные теории и фактические положения. Это "сводчатая конфигурация идей и представлений, это кипа предпосылок, используемых цивилизацией Второй волны, ее учеными, деловыми людьми, государственными деятелями и пропагандистами" [6]. По-другому их можно назвать

жрецами, шаманами, священнослужителями. Индуст-реальность или мифология индустриальной эпохи, при своих явных рационально-объективистских декларациях "вовсе не была морально нейтральной, хотя и претендовала на это. Она представляет собой, как мы видим, воинствующую суперидеологию цивилизации Второй волны" [6]. Под воздействием мифологем индустриального общества возникают новые системы ориентаций, новые системы контроля и подавления. Эти последствия индустриализации позже были определены Маркузе как "герметизация разума", как разновидность тоталитаризма". Тоффлер считает, что индустриальность "создала новую тюрьму — индустриальный менталитет" [6]. Этот менталитет исходит из практицизма, критицизма и операционно-инструментальной эффективности.

Если абстрагироваться от эмоциональных реакций и воздержаться от оценочных высказываний, тогда мы можем признать, что "герметизм" Маркузе, "интеллектуальная тюрьма" Тоффлера — есть неизбежная для каждого общества, эпохи система упорядочивания, структурирования и она неизбежно опирается на свои мифологемы.

Мифы Просвещения, эпохи индустриализма, как мы уже отмечали, по своей структуре идентичны мифам архаических обществ. Миф обеспечивает интеграцию представлений, рационального и ценностно-символического в конкретную целостность путем актуализации архетипических структур. Миф незаменим и неустраим, так как он отражает потребность в преодолении фрагментарности бытия, его относительности. Так как никакой эмпирический опыт, никакая рациональная концепция неспособны, преодолеть фрагментарность человеческой экзистенции и социальной жизни, то тогда мы вынуждены мобилизовать мифологические механизмы.

Если отказаться от всех мифов поддерживающих современные институты, и пытаться в будущем опираться только на рациональные и эмпирические средства в их обосновании, тогда можно смело утверждать, что они будут просто функциональными. Их витальность зависит во многом от дорефлексивного обоснования и доверия. Недаром Макс Вебер, столь много уделявший внимание рационализации жизни, как на условие индустриализации, считал, что капиталистический логический порядок должен быть соединен с эмоциональными ресурсами традиционализма и харизматических феноменов.

Впоследствии на неустраимность дефицита легитимности только на основе рациональных указывали Т. Парсонс, Ю. Хабермас и ряд других исследователей этой проблемы. В этом смысле представляет интерес очень конкретизированная модель легитимации, предложенная П. Бергером и Т. Лукманом в их совместной работе "Социальное конструирование реальности" [7]. Бергер и Лукман детально разобрав три уровня рационально-эмпирической легитимации — повседневный, повседневнотеоретический, специально-теоретический, приходят к выводу, что без интеграции института с базовыми символами общества он всегда будет проблематичным и не вполне легитимным. Только интеграция института с символическим универсумом, то есть с уровнем базовых символов, мифов общества достигает оправдания и возможности для органичного укоренения в данной традиции.

Массовое распространение сект, эзотерических текстов заставляет нас, если не отказаться полностью от рационалистических амбиций или признать их в принципе иллюзорными, то, по крайней мере, быть более сдержанными в соотношении рационального и мифологического, ритуального и практически-целесообразного. Значение мифологического, ритуального объясняется не только эмоциональной природой человека. Миф, ритуал необходимы как конечные способы легитимации права, правового процесса. Право никогда не сможет стать абсолютно самодостаточным и соответственно самолегитимирующим феноменом. Конечная легитимация всегда предполагает наличие более масштабного и целостного механизма, чем рациональные процедуры. Такой социокультурный механизм — это, прежде всего, миф. Миф не нуждается в детализации, нюансах, конкретике фактов. Он работает в режиме масштабных оппозиций, сравнений, в режиме глубинных метафор и символов. Это не недостаток мифа, это его природа. Миф легитимирует и отрицает, в целом оставляя нюансы для конкретных теорий.

Современная концепция прав человека, оказывающая столь значительное влияние на политическую жизнь отдельных стран и международные отношения, покоится на ряде ценностных предпосылок, символических переживаний и представлений, образующих в

совокупности мощный миф. Витальность этого мифа не могут подорвать все факты и теоретические рефлексии, противоречащие этому мифу. Судьба, развитие этого мифа — еще одно свидетельство особой природы и функции мифа. Подтверждение неопровержимости мифа рационально-эмпирическими доводами. Миф живет, пока существует потребность в нем и культурные предпосылки для его тиражирования.

В основе концепции о правах человека лежат идеи "естественного права". Апологеты естественного права выводят его из религиозных корней, как Томас Гоббс, — "закон естественный и закон моральный называют еще и божественным" [8]. По мнению Гоббса, для этого есть все основания, во-первых, потому что "разум, собственно являющийся самим законом природы, дан каждому Богом в качестве руководящего принципа собственных поступков, во-вторых, потому что жизненные принципы, вытекающие отсюда, суть те заветы божественного Всемогуущества, которые были переданы нам как законы царствия небесного Господом нашим Иисусом Христом и святыми пророками и апостолами" [8]. Хотя реальность была очень непохожей на данную идиллию и, по мнению Артура Шлезингера, для "классического периода христианства было характерно безразличие к правам человека в современном смысле, причем доминировало не только смиренное отношение к бедности, неравенству и угнетению, но и восторженное оправдание рабства, принуждения, пыток и геноцида" [9].

Для нерелигиозных обоснований естественных прав (вернее нетеистических) характерны мифы о свободе, равенстве. Хотя нет ни одного эмпирического подтверждения о полной свободе и равенстве ни в одном обществе. Локк пишет, что "естественное состояние — это, во-первых, и состояние полной свободы в отношении их (людей) действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не спрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли" [10]. "Во-вторых, по Локку, — это также состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными — никто больше другого" [10].

Другой классик теории "естественного права" Руссо, как известно, также абсолютизировал первичные состояния человека. Современному ему обществу с его пороками и недостатками он противопоставлял мифический "золотой век", где люди имели "естественные" и впоследствии искаженные права. Наличие в прошлом, в "золотом веке" "естественных прав" имеет, вполне очевидные телеологические функции — они служили обоснованием для формирования новой правовой системы. И это обоснование не могло не опираться на мифологические ресурсы.

Заключение. Каким образом можно использовать потенциал мифа в современных условиях? Какие жизненные порывы он может вызвать? Думается, что это тема самостоятельного научного поиска. Хотелось бы лишь заметить, что игнорирование мифа, неприятие его аксиологических констант может, на наш взгляд, лишить нас важнейшей мировоззренческой составляющей жизни. Миф «декорирует» наш мир сакральными предельными смыслами, эмоциональными значениями и это не украшательство, а возможность лишний раз воспользоваться силой преодоления, которую дарит нам МИФ

Примечания:

1. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: «Конон-пресс», 1998. С. 416.
2. Парсонс Т. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 392.
3. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Изд-во Академия, 1995. С. 244.
4. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 511.
5. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику. М.: Наука, 1988. С. 214.
6. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 174.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Academia-центр; Медиум, 1995. С. 157–170.
8. Гоббс Т. О гражданине / Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 320.
9. Шлезингер А. Циклы американской истории. М.: Прогресс, 1992. С. 130.

10. Локк Дж. Два трактата о правлении / Сочинения: В 3-х т. М.: Мысль, 1988. Т.3. С. 263.

References:

1. Russo Zh.Zh. Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty. M.: «Konon-press», 1998. S. 416.
2. Parsons T. Amerikanskaya sotsiologiya. Perspektivy, problemy, metody. M.: Progress, 1972. S. 392.
3. Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. M.: Izd-vo Akademiya, 1995. S. 244.
4. Frank S.L. Dukhovnye osnovy obshchestva. M.: Respublika, 1992. S. 511.
5. Toporov V.N. O rituale. Vvedenie v problematiku. M.: Nauka, 1988. S. 214.
6. Toffler E. Tret'ya volna. M.: AST, 1999. S. 174.
7. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya. M.: Academia-tsentr; Medium, 1995. S. 157–170.
8. Gobbs T. O grazhdanine / Sochineniya: V 2-kh t. M.: Mysl', 1989. T. 1. S. 320.
9. Shlezinger A. Tsikly amerikanskoi istorii. M.: Progress, 1992. S. 130.
10. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii / Sochineniya: V 3-kh t. M.: Mysl', 1988. T.3. S. 263.

УДК 378

Миф как преодоление

Байжол Искакович Карипбаев

Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова, Казахстан
100000, г.Караганда, ул.Муканова, 1
Доктор философских наук, профессор
E-mail: karipbaev@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуются вопросы, связанные с осмыслением роли мифа в координатах современных социальных трансформаций, в условиях созидания новых ценностных атрибутов. Автор акцентирует свое внимание на мировоззренческом потенциале мифа, его способности легитимировать, сакрализировать важные социальные составляющие социальной реальности.

Ключевые слова: миф; ритуал; традиция; культура; цивилизация; мировоззрение; сакральность; рационализм.